

Прежде чем он убьёт

Автор:

[Блейк Пирс](#)

Прежде чем он убьёт

Блейк Пирс

Загадки Макензи Уайт #1

На кукурузном поле в штате Небраска находят труп женщины. Привязанная к столбу, она стала жертвой обезумевшего маньяка. Вскоре полиция понимает, что в городе орудует серийный убийца, и новые жертвы не заставляют себя ждать.

К расследованию дела привлекают Макензи Уайт – молодого, талантливого и умного детектива, которая заткнёт за пояс многих стареющих полицейских-шовинистов из своего участка, ведь те вынуждены признать, что для раскрытия преступления им нужен её блестящий ум, благодаря которому она сумела закрыть несколько нераскрытых дел, заведших их в тупик. Но даже для Макензи это преступление кажется неразрешимой загадкой, ведь с подобным ни она, ни местные офицеры ещё никогда не сталкивались.

К раскрытию дела привлекают агента ФБР, и вместе они начинают напряжённую охоту на убийцу. Угнетённая собственным тёмным прошлым и неудавшейся личной жизнью, борясь с возникшими чувствами к агенту ФБР, Макензи пытается найти убийцу и заодно справиться с собственными демонами и самыми мрачными воспоминаниями своей жизни. Забравшись в сознание убийцы и пытаясь разгадать его сущность, она понимает, что зло действительно существует. Макензи остаётся лишь надеяться, что она успеет найти ответ до того, как её собственная жизнь окончательно разрушится.

Обнаруживаются всё новые тела. Начинается безумная гонка со временем. Выход один – найти убийцу прежде, чем он убьёт вновь.

Тёмный психологический триллер с увлекательным сюжетом «ПРЕЖДЕ ЧЕМ ОН УБЬЁТ» заставит вас не единожды засидеться за книгой до поздней ночи. Он открывает новую захватывающую серию романов и знакомит нас с прекрасной новой героиней.

Пирс Блейк

Прежде Чем Он Убьёт (Загадки Макензи Уайт – Книга 1)

О Блейке Пирсе

Блейк Пирс – автор серии-бестселлера о детективе РАЙЛИ ПЕЙДЖ, включающей в себя захватывающие триллеры «КОГДА ОНА УШЛА» (книга #1), «КОГДА КРУГОМ ОБМАН» (книга #2) и «КОГДА РАЗБИВАЮТСЯ МЕЧТЫ» (#3). Блейк Пирс также является автором детективных романов о МАКЕНЗИ УАЙТ.

Книголюб и большой поклонник триллеров и детективов, Блейк будет рад услышать ваше мнение, поэтому заходите на www.blakeperceauthor.com (<http://www.blakeperceauthor.com>), чтобы узнать больше и общаться с автором.

Copyright © 2016 by Blake Pierce. Все права защищены. Кроме случаев, оговорённых в Законе об авторском праве от 1976 года, запрещено копировать, распространять или передавать данное произведение и его части в любой форме и любыми средствами, а также хранить в любой базе данных или системе поиска без предварительного получения разрешения от автора произведения. Данную электронную книгу запрещено перепродавать или передавать другим лицам. Если вы желаете поделиться этой книгой с другим лицом, просим вас приобрести дополнительную копию книги для этого человека. Если вы читаете эту книгу, но вы ее не покупали, или она не была приобретена специально для вас, просим вас вернуть книгу и приобрести собственную копию произведения. Благодарим вас за проявленное уважение к работе автора. Данная книга является художественным произведением. Имена, герои, названия организаций, мест, событий и происшествий являются вымышленными. Любое совпадение с

реальными именами и жизнями людей, ныне живущих или умерших, является случайным. Фото на обложке: Copyright lassedesignen. Используется с разрешения Shutterstock.com.

КНИГИ БЛЕЙКА ПИРСА

СЕРИЯ «ЗАГАДКИ РАЙЛИ ПЕЙДЖ»

КОГДА ОНА УШЛА (книга #1)

КОГДА КРУГОМ ОБМАН (книга #2)

КОГДА РАЗБИВАЮТСЯ МЕЧТЫ (книга #3)

СЕРИЯ «ЗАГАДКИ МАКЕНЗИ УАЙТ»

ПРЕЖДЕ ЧЕМ ОН УБЬЁТ (книга #1)

ПРОЛОГ

В любой другой день стебли кукурузы, озарённые лучами рассветного солнца, показались бы ей красивыми. Она смотрела, как первые лучи нового дня танцуют на стеблях, окрашивая их в нежно-золотой цвет, и пыталась найти в этом красоту.

Ей нужно было отвлечься, иначе боль была невыносимой.

Она была привязана спиной к большому деревянному столбу, который заканчивался чуть выше головы. Руки были крепко связаны сзади. Из одежды на

ней были только чёрные кружевные трусики и бюстгальтер, который сдавливал вместе и слегка поднимал вверх и без того большие груди. Именно в этом бюстгальтере она зарабатывала больше всего чаевых в стриптиз клубе, потому что в нём её грудь казалась упругой, как у двадцатипятилетней красавицы, хотя на самом деле принадлежала тридцатичетырёхлетней матери двоих детей.

Столб растирал спину до крови, но эта боль была несравнима с той, что причинял ей мужчина с низким голосом, от которого кровь стыла в жилах.

Она напряглась, слыша его шаги за спиной. Он тихо ступал по траве на расчищенном клочке земли посреди кукурузного поля. Она слышала не только звук его шагов – второй звук был едва различим. Он что-то волочил по земле. Плеть, подумала она, та плеть, которой он её бил. Скорее всего, это была плеть-многохвостка с шипами. Она видела её мельком и всего один раз, но и этого было достаточно.

Спина горела от многочисленных ударов, и её охватывала паника просто от шороха плети, скользящей по траве. Она вскрикнула в тысячный раз за ночь, и её крик поглотило кукурузное поле. Сначала она звала на помощь, надеясь, что, возможно, её услышат. Спустя часы её крики превратились в неразборчивый мучительный вой, потому что она понимала, что никто ей не поможет.

«Может быть, я тебя отпущу», – сказал мужчина.

Судя по голосу, он либо много курил, либо много кричал. Мужчина слегка шепелявил.

«Но сначала ты должна покаяться в своих грехах».

Он уже говорил эту фразу четыре раза. Она вновь не понимала, о чём он. Ей не в чем было каяться. Все знали её, как хорошего человека, хорошую мать – может не такую хорошую, как её самой хотелось бы, но она старалась, как могла.

Что ему от неё нужно?

Она снова вскрикнула, пытаясь слегка изогнуть спину – так верёвка не так сильно впивалась в запястья. Она почувствовала, что та уже насквозь

пропиталась кровью.

«Покайся в своих грехах», – повторил он.

«Я не понимаю, о чём вы говорите!» – застонала она.

«Сейчас поймёшь», – ответил он.

Он уже говорил эту фразу. Он повторял её каждый раз, прежде чем...

Послышался лёгкий шорох, а потом плеть рассекла воздух.

Она вскрикнула и скорчилась от боли, когда та коснулась кожи.

Из новой раны потекла кровь, но она едва ли обратила на это внимание. Она думала лишь о запястьях. Кровь, стекающая к пальцам последние пару часов, смешалась с потом. Она чувствовала, что между верёвкой и запястьями образовалось свободное пространство. Она подумала, что, возможно, ей удастся сбежать. Она была на грани обморока – так разум боролся с ситуацией.

Вжик!

Удар пришёлся по плечу, и она замычала от боли.

«Прошу вас, – сказала она. – Я сделаю всё, что скажете! Отпустите меня!»

«Покайся в своих ...»

Она рывком потянула руки вперёд. Плечи пронзила сильная боль. Она высвободилась. Там, где верёвка врезалась в кожу, жгло руку, но по сравнению с болью, окутывающей спину, это было ничто.

Она с такой силой подалась вперёд, что чуть не упала на землю, едва себя не выдав. Повинуясь инстинкту выживания, мышцы напряглись, и не успела она опомниться, как уже бежала прочь.

Она бежала, не до конца веря в то, что удалось спастись, и поражаясь тому, что ноги могли бежать после стольких часов без движения. Нельзя было останавливаться.

Она продиралась сквозь стебли кукурузы, которые били её в ответ. Листья и стебли, как дряхлые высохшие пальцы, царапали израненную спину. Она тяжело вдыхала воздух, полностью сконцентрировавшись на беге. Она знала, что где-то недалеко проходит шоссе. Ей нужно было лишь продолжать бежать, несмотря на боль.

Позади она услышала смех мучителя. Его голос звучал так, что, казалось, смеётся монстр, веками прятанный среди кукурузных стеблей.

Она застонала, но не остановилась. Босые ноги хлюпали в грязи, пока она пробиралась дальше, сбивая початки в стороны голым телом. Груды глупо поднимались и опускались в темпе бега, и левая грудь выпала из бюстгальтера. Она пообещала себе, что если выживет, больше никогда не вернётся в стриптиз, а вместо этого найдёт хорошую работу, чтобы обеспечивать детей.

Мысль о них дала ей силы, и она побежала быстрее, продираясь сквозь кукурузу. Она бежала так быстро, как только могла. Ей удастся спастись, если она будет продолжать бежать. Шоссе должно быть совсем близко. Ведь так?

Возможно. Но даже если и так, то не факт, что она кого-нибудь там встретит. Сейчас не было ещё и шести часов утра, а шоссе Небраски обычно были довольно безлюдны в это время суток.

Впереди кукурузные стебли расступились, озарив её лицо призрачным предрассветным сиянием. Она с радостью посмотрела на виднеющуюся чуть дальше дорогу.

Прорвавшись сквозь стебли, она с удивлением прислушалась, различив шум приближающейся машины. В душе загорелась надежда.

Она увидела яркий свет автомобильных фар и бросилась к нему. Она была так близка к шоссе, что могла различить запах нагретого асфальта.

Она добралась до конца поля как раз в ту самую минуту, когда мимо проехал красный пикап. Она закричала, отчаянно размахивая руками.

«ПРОШУ ВАС!» – кричала она.

Но, к её ужасу, грузовик промчался мимо.

Она замахала руками, рыдая. Может, если водитель посмотрит в зеркало заднего вида, то...

Вжик!

Жгучая острая боль пронзила левую икру, и она упала на землю.

Она кричала, пытаясь подняться, но вдруг почувствовала, как сильная рука схватила её за волосы, оттаскивая назад в поле.

Она отбивалась, пытаясь вырваться, но на этот раз всё было тщетно.

Послышался последний удар плети, а потом, к счастью для себя, она потеряла сознание.

Она знала, что скоро всё закончится: не будет ни шума, ни ударов, ни боли – вместе с ними закончится и её короткая, несчастливая жизнь.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Детектив Макензи Уайт приготовилась к худшему, идя через кукурузное поле после обеда в тот же день. Шелест кукурузных стеблей нервировал её, пока она пробиралась через поле ряд за рядом, а стебли тихо касались её пиджака. Казалось, место преступления находилось от неё как минимум в нескольких милях.

Когда она наконец прибыла на место, то резко остановилась, внутренне желая оказаться сейчас где угодно, но не здесь, чтобы не видеть то, что предстало перед глазами. Перед ней было полуобнажённое тело женщины в возрасте за тридцать, привязанное к столбу. На неподвижном лице застыло выражение боли. Макензи не хотелось смотреть труп в глаза, потому что она знала, что никогда не сможет забыть этот взгляд.

Рядом крутились пятеро полицейских, ничего, в сущности, не делая. Они изо всех сил старались имитировать бурную деятельность, но Макензи понимала, что они просто не могут понять, что же здесь произошло. Она была уверена, что ни один из них никогда прежде не видел ничего подобного. Ей потребовалось не более пяти секунд, чтобы, глядя на привязанную к столбу блондинку, понять, что это было не простое убийство. Она сама никогда не сталкивалась ни с чем подобным. Обычно в кукурузных полях Небраски такого не встретишь.

Макензи подошла к телу и медленно обошла его. Она чувствовала на себе взгляд других офицеров. Она знала, что некоторые из коллег считали, что она относится к работе слишком серьёзно. Она принимала всё слишком близко к сердцу, ища почти несуществующие зацепки и связи. Она знала, что в глазах большинства офицеров-мужчин её участка она была молодой женщиной, которая слишком уж быстро дослужилась до звания детектива. Она была амбициозна, и многие считали, что ждёт она от жизни куда большего, чем может дать ей место детектива полиции в небольшом городке Небраски.

Макензи не обращала на полицейских внимания. Она смотрела только на труп, отмахиваясь от снующих вокруг мух. Мухи кружили над телом женщины в форме небольшого чёрного облака. Жара лишь усугубляла ситуацию. Лето выдалось жарким, и сейчас казалось, что весь зной сконцентрировался именно на этом клочке кукурузного поля.

Макензи подошла ближе, изучающе глядя на тело и пытаясь подавить приступ рвоты и накрывающую волну печали. Спина жертвы была покрыта глубокими ранами. Все раны были похожи друг на друга, а значит, скорее всего, наносили их одним и тем же орудием. Спина была красной от крови. К этому времени кровь почти вся высохла, превратившись в липкую массу. Задняя часть трусиков-стрингов тоже была пропитана кровью.

Макензи обошла тело, и к ней подошёл невысокий тучный полицейский. Она хорошо его знала, хотя ей не было до него никакого дела.

«Здравствуйте, детектив Уайт», – сказал шеф Нельсон.

«Здравствуйте, шеф», – ответила она.

«Где Портер?»

Голос его не звучал снисходительно, но Макензи всё же уловила в нём высокомерие. Этот закалённый годами службы офицер в свои пятьдесят с хвостиком не хотел, чтобы какая-то двадцатипятилетняя девчонка помогала ему в этом деле. Для этого куда лучше подходил Уолтер Портер, её пятидесятипятилетний напарник.

«На шоссе, – ответила Макензи. – Он опрашивает фермера, обнаружившего тело. Он скоро придёт».

«Окей, – сказал Нельсон, явно успокоившись. – Что ты обо всём этом думаешь?»

Макензи не знала, что ответить. Она понимала, что шеф специально задал этот вопрос, он её проверял. Он делал это периодически, даже если дело касалось самой простой канцелярской работы в участке. Он не устраивал подобных проверок ни одному другому офицеру или детективу, и Макензи была уверена, что заслужила такое отношение к себе только потому, что была молода и была женщиной.

Интуиция подсказывала ей, что это было не просто очередное «театральное» убийство. Это следы от ударов плетью на спине жертвы? Сыграл ли в выборе жертвы какую-нибудь роль тот факт, что у неё было тело модели? Грудь была явно искусственной, и Макензи была уверена, что и над ягодицами женщины поработал пластический хирург. Жертва была довольно ярко накрашена, хотя местами макияж смазали слёзы.

«Я думаю, – наконец сказала Макензи, отвечая на вопрос Нельсона, – что это просто жестокое убийство. Я думаю, что судмедэксперты не найдут следов сексуального насилия. Большинство преступников, похищающих своих жертв с целью изнасилования, редко наносят им такие сильные увечья, даже если и не планируют оставлять их в живых. Я также думаю, что, судя по белью, эта женщина была соблазнительницей. Если уж честно, то глядя на её макияж и

большую грудь, я бы начала с проверки стриптиз клубов в Омахе, вдруг кто-то из танцовщиц не явился вчера на работу».

«Уже проверили, – довольно ответил Нельсон. – Наша жертва – Хейли Лизбрук, тридцать четыре года, мать двоих сыновей и танцовщица средней руки в клубе «Ранвей» в Омахе».

Он сыпал фактами, словно читал справочник. Макензи предположила, что Нельсон так давно занимался своим делом, что для него жертвы убийств перестали быть людьми, превратившись в дела, которые нужно раскрыть.

Макензи, которая работала в полиции всего несколько лет, была ещё не такой чёрствой и бессердечной. Она не только изучающе смотрела на жертву, желая узнать, что с ней произошло, но также видела в ней женщину, которая оставила сиротами двух сыновей, у которых больше не будет матери. Если мать двоих детей работала стриптизёршей, значит, рассудила Макензи, у неё были проблемы с деньгами, и она была готова пойти практически на всё, чтобы обеспечить сыновьям нормальную жизнь. И вот куда это её привело: привязанная к столбу и почти растерзанная каким-то неизвестным мужчиной, который...

Ход мыслей прервал шелест кукурузных стеблей за спиной. Макензи обернулась и увидела Уолтера Портера, пробирающегося к ней. Он был раздражён, смахивая грязь и кукурузные рыльца с плаща.

Долю секунды он оглядывался, а потом взгляд его остановился на висящем на столбе теле Хейли Лизбрук. На лице отобразилась удивлённая ухмылка, от которой седые усы резким углом поползли вправо. Потом он заметил Макензи и Нельсона и заторопился к ним.

«Портер, – сказал шеф Нельсон. – Уайт нам уже всё дело раскрыла. Бьёт не в бровь, а в глаз».

«Она может», – снисходительно ответил Портер.

Вот так всегда. Нельсон никогда открыто не хвалил Макензи. Вместо этого он поддразнивал Портера за то, что тот работал с молодой, симпатичной девушкой, которая, появившись буквально из ниоткуда, быстро дослужилась до детектива;

молодой, симпатичной девушкой, которую мало кто из опытных ребят в участке воспринимал всерьёз. Боже, как же Портер ненавидел подобные намёки.

И пусть Макензи нравилось смотреть, как Портер бесится от подобных шуток, это мало компенсировало чувство неудовлетворённости и неценности. Снова и снова она раскрывала такие дела, с которыми не могли разобраться другие детективы, и это не сулило им ничего хорошего. Ей было только двадцать пять, а в столь молодом возрасте редко «перегорают», занимаясь некогда любимым делом. Но имея в напарниках Портера и работая бок о бок с такими, как Нельсон, Макензи начинала ненавидеть свою работу.

Портер попытался встать между Нельсоном и Макензи, давая ей понять, что пришло его время блеснуть умом. Внутри Макензи начала закипать ярость, но она справилась с собой. Последние три месяца, как только их сделали напарниками, она постоянно гасила в себе недовольство. С самого первого дня совместной работы Портер никогда не скрывал, что она ему не нравится. В конце концов, она заняла место его старого напарника, с которым они проработали двадцать восемь лет, а потом его уволили, чтобы, как думал Портер, отдать его должность молодой девчонке.

Макензи пыталась игнорировать его явное неуважение, не давая подобному отношению повлиять на собственный настрой. Не говоря ни слова, она вернулась к телу и начала внимательно его осматривать. Делала она это с болью в сердце, но признавала, что ни один труп не производил на неё такого впечатления, как первое увиденное ею мёртвое тело. Она уже редко видела отца в каждом новом трупе на каждом новом месте преступления. Почти не видела. Ей было семь лет, когда, войдя в спальню, она нашла его лежащим на кровати в луже крови. С тех пор эта картина всегда стояла у неё перед глазами.

Макензи искала улики, указывающие на то, что это преступление не было убийством на сексуальной почве. Она не заметила ни синяков, ни царапин на груди и ягодицах жертвы, ни внешнего кровотечения вокруг промежности. Затем она осмотрела руки и ноги трупа, гадая, не связано ли убийство с религиозными жертвоприношениями: проколы ладоней, лодыжек и ступней могли указывать на распятие. Но здесь она ничего подобного не увидела.

Когда их с Портером вводили в курс дела, было отмечено, что одежду жертвы так и не нашли. Макензи решила, что, скорее всего, убийца либо забрал её с собой, либо от неё избавился. Значит, он был осторожен или страдал

навязчивыми идеями. Добавьте это к тому, что вчера во время убийства им не руководили мотивы сексуального характера, и вы получите портрет расчётливого убийцы, которого будет непросто поймать.

Макензи отошла к краю расчищенного участка поля, чтобы взглянуть на место преступления со стороны. Портер покосился в её сторону, а потом сделал вид, что её и вовсе не существует, продолжив общаться с Нельсоном. Она заметила, что на неё смотрят другие полицейские. По крайней мере, некоторые из них следили за тем, как она работает. Она получила звание детектива, имея репутацию исключительно умного сотрудника, о котором высоко отзывались почти все инструкторы в академии, и поэтому время от времени полицейские-новички – как мужчины, так и женщины – обращались к ней за помощью.

С другой стороны, Макензи отлично понимала, что некоторые из офицеров-мужчин, находящихся сейчас на месте преступления, просто на неё пялились. Она не знала, что было хуже: когда мужчины разглядывали её задницу, пока она проходила мимо, или когда они смеялись у неё за спиной, дразня её маленькой девочкой, играющей в крутого копа.

Оглядывая место преступления, она не могла отделаться от мысли, что что-то здесь было не так. Макензи казалось, что она открыла книгу и читала лишь первую страницу, зная, что дальше её ожидает множество сложных эпизодов рассказа.

«Это только начало», – подумала она.

Разглядывая грязь вокруг столба, она заметила несколько смазанных отпечатков обуви, с которых невозможно было сделать слепки. Ещё в грязи виднелись несколько петляющих следов. Макензи присела, чтобы лучше разглядеть их: она увидела, что следы шли рядом, прерываясь время от времени и огибая деревянный столб, словно то, что их оставило, несколько раз обвело вокруг него. Потом Макензи перевела взгляд на спину женщины и увидела, что раны на коже были примерно той же формы, что и отпечатки на земле.

«Портер», – подозвала она.

«Что там?» – спросил он, явно раздражённый тем, что его отвлекают.

«Думаю, у нас есть следы орудия убийства».

Портер минуту колебался, а потом подошёл к тому месту, где была Макензи. Присев рядом, он тяжело вдохнул, и она услышала, как скрипнул его ремень. У Портера было около двадцати килограммов лишнего веса, и чем ближе было его пятидесяти пятилетие, тем заметнее становилось, что он был не в форме.

«Какая-то плеть?» – спросил он.

«Похоже на то».

Макензи осмотрела землю, следуя за отпечатками в песке, которые шли к столбу, и тут заметила кое-что ещё. находка была такой крошечной, что она едва её не пропустила.

Макензи подошла к столбу, стараясь не трогать тело, пока его не осмотрели эксперты. Она вновь присела, ощутив весь жар полуденного зноя. Пытаясь не обращать на него внимания, она вытянула шею, потянувшись к столбу. Теперь она была к нему так близко, что едва ли не касалась дерева лбом.

«Что, чёрт побери, ты делаешь?» – спросил Нельсон.

«Здесь какая-то надпись, – ответила она. – Какой-то номер».

Портер подошёл ближе, чтобы тоже взглянуть, но старался делать всё так, чтобы не пришлось вновь наклоняться. «Уайт, этому столбу не меньше двадцати лет, – сказал он. – Номер был высечен давно».

«Возможно», – ответила Макензи, хотя на самом деле так не думала.

Потеряв всякий интерес к находке, Портер вернулся к Нельсону. Они стали сравнивать записи из разговора с фермером, обнаружившим тело.

Макензи вытащила телефон и сфотографировала номер. Увеличив изображение, она смогла рассмотреть цифры. Видя их перед собой, ей казалось, что перед ней было что-то очень важное.

Цифры ничего ей не говорили. Может, Портер был прав. Возможно, они не относились к делу. Может, их вырезал станок, на котором выпилили столб. Может, это сделал скучающий подросток много лет назад.

Но было в этом номере что-то настораживающее.

Во всём этом деле было что-то настораживающее.

В душе она понимала, что это только начало.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Макензи внутренне напряглась, когда, выглянув из окна машины, увидела фургоны новостных служб и репортёров, занимающих места для того, чтобы наброситься с вопросами на неё и Портера, пока те будут идти к участку. Портер припарковал машину, и она заметила, как к ним направляются несколько журналистов, пробегая по газону. За ними семенили нагруженные камерами операторы.

Макензи увидела Нельсона у входа в участок. Он как мог старался усмирить репортёров. Вся ситуация была ему не по душе, и шеф был на взводе. Даже с такого расстояния Макензи видела, как блестят капли пота у него на лбу.

Они вышли из машины, и Портер выбежал вперёд так, чтобы первым журналисты увидели его. Проходя мимо неё, он сказал: «Ничего не говори этим упырям».

Её возмутило это снисходительное замечание.

«Сама знаю, Портер».

Толпа журналистов и операторов добралась до них, тыча в лицо десятком микрофонов, пока детективы шли к входу. Вопросы сыпались со всех сторон, как из рога изобилия.

«Детям жертвы уже сообщили новость?»

«Какова была реакция фермера, когда он обнаружил тело?»

«Имеет ли место сексуальное насилие?»

«Разумно ли привлекать к расследованию такого дела женщину?»

Макензи был особенно неприятен последний вопрос. Она понимала, что репортёры просто хотели вызвать реакцию, надеясь получить за это свои двадцать секунд славы, когда интервью покажут в дневных новостях. Сейчас было четыре часа дня, и если они постараются, то успеют попасть в шестичасовой выпуск.

Она прошла к двери и вошла в здание, а последний вопрос продолжал громогласным эхом звучать в ушах.

Разумно ли привлекать к расследованию такого дела женщину?

Она вспомнила, как Нельсон бесчувственно зачитал данные по Хейли Лизбрук.

«Конечно, это разумно, – подумала Макензи. – Более того, это важно для дела».

Они наконец вошли в участок, захлопнув за собой дверь. Макензи облегчённо вздохнула – было хорошо оказаться в тишине.

«Грёбанные кровососы», – сказал Портер.

Сейчас, когда поблизости не было камер, он перестал важничать. Медленно пройдя мимо стойки регистратора, он направился в коридор, который выходил в зал для конференций и к кабинетам, которые и составляли их участок. Портер выглядел уставшим. Ему хотелось уйти домой и забыть про это дело.

Макензи первой вошла в конференц-зал. За большим столом сидели несколько офицеров. Одни были в форме, другие – в штатском. Их присутствие здесь и наличие журналистов у дверей говорило о том, что история разошлась по городу за те два с половиной часа, что она провела на кукурузном поле вне стен участка. Это было не просто очередное жестокое убийство; оно превратилось в спектакль.

Макензи налила себе кофе и уселась за стол. Кто-то предусмотрительно разложил на нём папки с той информацией по делу, что уже удалось собрать. Пока она просматривала одну из них, в зал вошли ещё несколько человек. Наконец появился Портер, заняв место по другую сторону стола.

Воспользовавшись паузой, Макензи достала телефон и увидела восемь пропущенных звонков, пять голосовых сообщений и десяток новых писем. Это напомнило ей, что ещё до того, как она отправилась на поле сегодня утром, у неё был полный стол незавершённых дел. По грустной иронии, её старшие коллеги, уйму времени посвящающие тому, чтобы придумывать унижительные шуточки и оскорбления в её адрес, также понимали, что она отличный специалист. Как результат, у неё в разработке находилось больше дел, чем у кого-либо другого в участке. Но при этом она была одной из первых по раскрываемости.

Макензи решила ответить на пару писем, пока не началось совещание, но шеф Нельсон вошёл в зал до того, как она успела выполнить задуманное. Он быстро закрыл за собой дверь.

«Не понимаю, как СМИ так быстро пронюхали об этом деле, – недовольно начал он, – но если я узнаю, что кто-то из присутствующих слил информацию, вам не поздоровится».

В зале было тихо. Некоторые офицеры и служащие начали торопливо пролистывать лежащие перед ними папки. Макензи не было особого дела до Нельсона, но нельзя было отрицать, что стоило ему появиться, как в зале воцарился порядок.

«Вот, что мы имеем, – начал шеф. – Жертва – Хейли Лизбрук, стриптизёрша из Омахи. Ей было тридцать четыре года, имеет двоих сыновей в возрасте девяти и пятнадцати лет. Из того, что нам известно, можно сделать вывод, что она была

похищена до прихода на работу, потому что её босс говорит, что вчера она так и не появилась. Видео с камер наблюдения в клубе «Ранвей», где она работала, ничего не дало. Предположительно, она была похищена по пути из дома на работу, а это примерно семь с половиной миль. Сейчас маршрут прочёсывают несколько наших и полицейские из Омахи».

Нельсон перевёл взгляд на Портера, как на ученика-отличника, и сказал:

«Портер, расскажи, что вы нашли на месте преступления».

Ну конечно, он выбрал Портера.

Портер поднялся с места и оглядел комнату, чтобы убедиться, что все его слушают:

«Жертва была привязана к деревянному столбу. Руки были связаны за спиной. Её нашли на расчищенном участке посреди кукурузного поля, примерно в миле от шоссе. На спине были обнаружены следы ударов, нанесённые плетью. В грязи мы обнаружили следы той же формы и размера, что и на спине. Пока нет отчёта коронера, мы не можем говорить наверняка, но предполагаем, что изнасилования не было, хотя жертва была раздета до белья, а её одежду пока не удалось обнаружить».

«Спасибо, Портер, – сказал Нельсон. – Кстати о коронере, я говорил с ним по телефону около двадцати минут назад. Точную причину смерти мы получим после проведения вскрытия, но по предварительной версии, ею стала потеря крови, или травма головы, или, возможно, удар в сердце».

Нельсон затем перевёл взгляд на Макензи и с интересом спросил: «Есть, что добавить, Уайт?»

«Номер», – ответила она.

Нельсон раздражённо закатил глаза. Это было явное неуважение, но она проглотила оскорбление, решив не терять время и показать номер всем присутствующим прежде, чем её кто-нибудь перебьёт.

«Я обнаружила два номера, написанные через черту. Они были вырезаны на нижней части столба».

«Что за номера?» – спросил один из молодых офицеров за столом.

«Цифры и буквы, – ответила Макензи. – Ч 511 и И 202. Я сфотографировала их на телефон».

«Другие фотографии тоже скоро будут готовы, как только Нэнси их распечатает», – сказал Нельсон. Он говорил быстро и громко, давая всем понять, что вопрос с номерами закрыт.

Макензи слушала Нельсона, раздающего приказы относительно того, что нужно сделать, чтобы проверить семь с половиной миль пути от дома Хейли Лизбрук до «Ранвей». Хотя слушала она только в пол-уха. Она думала о том, как было привязано тело женщины. Манера, в которой была расположена жертва, казалась ей знакомой, но она не могла вспомнить откуда, и именно об этом она напряжённо думала, сидя в конференц-зале.

Проглядев записи в папке, Макензи надеялась, что какая-нибудь незначительная деталь поможет ей вспомнить. Она пробежалась по четырём листам записей, гадая, было ли там что-то, что она ещё не знала. Информация была ей известна, но она всё же ещё раз прошла по деталям.

Женщина тридцати четырёх лет предположительно убита прошлой ночью. На спине обнаружены следы от ударов плетью, порезы и различные ссадины. Была привязана к старому деревянному столбу. Предварительная причина смерти – потеря крови или удар в сердце. Манера связывания предполагает возможный религиозный подтекст, а внешний вид женщины говорит о мотивах сексуального характера.

Макензи читала и вдруг что-то вспомнила. Она попыталась ненадолго забыть, позволяя сознанию доделать начатое, не отвлекаясь на окружающую обстановку.

Собрав картинку воедино, она увидела связь, внутренне надеясь, что ошибается. Нельсон как раз заканчивал совещание:

«...и блокировать трассы уже поздно, поэтому нам остаётся рассчитывать только на свидетельские показания, уделяя внимание мельчайшим и на первый взгляд незначительным деталям и точной хронологии. У кого-нибудь есть, что добавить?»

«Есть, сэр», – сказала Макензи.

Она могла биться об заклад, что видела, как Нельсон едва сдержал вздох раздражения. С другого конца стола послышался приглушённый смешок Портера. Она проигнорировала его, ожидая, когда ответит Нельсон.

«Да, Уайт», – сказал он.

«Я вспомнила дело об убийстве 1987 года. Наше убийство чем-то на него похоже. То убийство произошло в Розленде. Та же манера связывания, тот же тип жертвы. Я почти уверена, что и били её тем же орудием».

«1987 год? – спросил Нельсон. – Уайт, тебя же тогда ещё на свете не было».

Половина офицеров в комнате негромко засмеялась. Макензи даже не моргнула. Пусть найдут другое время, чтобы над ней издеваться.

«Не было, – ответила она, не страшась спорить с шефом, – но я читала отчёт».

«Сэр, если вы не знаете, – вставил Портер, – Макензи проводит свободное время за чтением отчётов по нераскрытым делам. В этом плане девушка – настоящая ходячая энциклопедия».

Макензи заметила, что Портер обратился к ней просто по имени и назвал девушкой, а не женщиной. Самое обидное было то, что он даже не заметил, что говорил неуважительно.

Нельсон почесал голову и громко выдохнул: «1987 год? Ты уверена?»

«На все сто процентов».

«Розленд?»

«Или его окрестности», – сказала она.

«Окей, – проговорил Нельсон, глядя в дальний угол, где сидела женщина средних лет и прилежно слушала. Перед ней стоял ноутбук, на котором она тихо печатала всё заседание. – Нэнси, можешь поискать это дело в базе?»

«Да, сэр», – ответила она и сразу начала что-то набирать на клавиатуре, подключившись к внутреннему серверу участка.

Нельсон бросил в сторону Макензи неодобрительный взгляд, который говорил буквально следующее: «Лучше бы ты оказалась права. В противном случае ты потратила двадцать секунд моего драгоценного времени».

«Ну, хорошо, мальчики и девочки, – сказал Нельсон. – Вот как мы поступим. Когда закончится совещание, я хочу, чтобы Смит и Беррихилл отправились в Омаху помочь местным полицейским. Если потребуется, уже там разделимся на группы по двое. Портер и Уайт, поговорите с детьми погибшей и её боссом. Наши ребята уже пробивают адрес её сестры».

«Простите, сэр», – сказала Нэнси, оторвав взгляд от экрана компьютера.

«Да, Нэнси?»

«Детектив Уайт права. Октябрь 1987 года. Найдено тело проститутки, привязанное к деревянной опоре линии передач на границе Розленда. В отчёте, который я сейчас просматриваю, говорится, что жертва была раздета до белья и сильно избита плетью. Никаких следов сексуального насилия, отсутствие явного мотива для убийства».

В зале снова стало тихо. Вопросы, которые должны были звучать осуждающе, так и остались не озвученными. Первым заговорил Портер, и хотя Макензи была уверена, что он старается скинуть зацепку со счетов, в голосе его слышались тревожные нотки.

«Это было почти тридцать лет назад, – сказал он. – Я не считаю это явной связью».

«Но всё-таки это связь», – ответила Макензи.

Нельсон ударил толстой рукой по столу, испепеляя Макензи взглядом: «Если связь есть, то ты же понимаешь, что это означает?»

«Это означает, что, возможно, мы имеем дело с серийным убийцей, – сказала она. – И само предположение о том, что мы имеем дело с серийным убийцей, вынуждает нас позвонить в ФБР».

«А, чёрт, – сказал Нельсон. – Не торопись. Не беги впереди паровоза».

«Со всем уважением, – перебила его Макензи, – но мы должны рассмотреть эту версию».

«Ну, теперь, когда твой неугомонный мозг указал нам на неё, да, нам придётся это сделать, – продолжил Нельсон. – Я сделаю пару звонков, а потом ты проверишь информацию. А пока давайте займёмся оперативной работой. На этом пока всё. Принимайтесь за дело».

Собравшиеся начали расходиться, забирая с собой папки. Когда Макензи выходила из зала, она увидела лёгкую улыбку одобрения на лице Нэнси. Это была единственная похвала, которую Макензи получила на работе за последнюю пару недель. Нэнси была секретарём участка и иногда помогала со сбором информации. Насколько Макензи было известно, она была одной из немногих опытных служащих, которые не имели ничего против Макензи.

«Портер и Уайт, задержитесь», – сказал Нельсон.

Макензи увидела на лице шефа ту же тревогу, что услышала в голосе Портера несколько минут назад. Нельсон даже побледнел.

«Молодец, что вспомнила дело 1987 года, – сказал он, обращаясь к Макензи. Казалось, что ему было физически больно делать ей комплимент. – Просто пальцем в небо. Это заставляет нас задуматься...»

«О чём?» – спросил Портер.

Макензи, которая не любила ходить вокруг да около, ответила за Нельсона.

«Почему он опять начал убивать», – сказала она.

А потом добавила:

«И когда он убьёт снова».

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Он сидел в машине, наслаждаясь тишиной. Фонари отбрасывали мрачные тени на асфальт. В столь поздний час машин на дороге было немного, и вокруг царило пугающее спокойствие. Он знал, что любой, оказавшийся в этой части города посреди ночи, занимался чем-то нелегальным. Это и к лучшему – так он мог сконцентрироваться на предстоящей работе – Хорошей Работе.

Тротуары были погружены во мрак за исключением редких пятен неоновомого света, отбрасываемых сомнительными заведениями. В окне здания, на которое он сейчас смотрел, сияло яркое изображение грудастой женщины. Оно мигало, как маяк в бушующем море. Но подобные заведения не служили убежищем от житейских бурь, по крайней мере, не таким убежищем, о котором можно говорить вслух.

Он сидел в машине, припаркованной как можно дальше от света уличных ламп, и думал о своей коллекции. Он внимательно изучил её дома прежде, чем отправиться сюда. На небольшом столе лежали трофеи с прошлых дел: сумочка, серёжка, золотая цепочка, прядь белых волос, помещённая в небольшой пластиковый контейнер. Это были напоминания, напоминания о том, что ему поручили эту работу. И о том, что ему ещё много предстоит сделать.

На другой стороне улицы из здания вышел мужчина и отвлек его от этих мыслей. Он сидел, наблюдал и терпеливо ждал. За годы он научился терпению. И именно поэтому мысль о том, что теперь ему нужно работать быстро, заставляла его нервничать. Что если он ошибётся?

Выбор у него был небольшой. Убийство Хейли Лизбрук было во всех новостях. Его искали, словно он сделал что-то плохое. Они не понимали. То, что он давал этим женщинам, было подарком.

Актом милосердия.

В прошлом он совершал священные акты через большие промежутки времени, но сейчас нужно было торопиться. Так много необходимо было сделать. Женщин было много – на углах улиц, в газетах, на телевидении.

В конечном итоге они всё поймут. Они поймут и поблагодарят его. Они будут просить его об очищении, и он откроет им глаза на правду.

Через несколько минут неоновое изображение женщины исчезло. Свет в окне погас. В здании стало темно, свет выключили, и заведение закрылось до утра.

Он знал, что сейчас женщины выйдут на улицу через заднюю дверь, рассядутся по машинам и уедут домой.

Он включил передачу и медленно объехал квартал. Уличные фонари словно бы преследовали его, но он знал, что за ним никто не наблюдает. В этой части города всем было наплевать.

Припаркованные у чёрного входа машины были по большей части дорогими и хорошими. Торговля телом – прибыльный бизнес. Он остановился у края парковки и снова стал ждать.

Прошло достаточно времени, и дверь открылась. Появились две женщины, сопровождаемые мужчиной, который, по-видимому, работал здесь охранником. Он посмотрел на охранника, гадая, мог ли тот создать ему лишние проблемы. Под креслом у него хранился пистолет, которым он воспользуется, но только в самом крайнем случае. Стрелять ему не хотелось. Пока обходилось без этого. По правде говоря, он питал отвращение к огнестрельному оружию. Было в нём что-то грязное, пассивное.

Наконец женщины разошлись по машинам и уехали.

Появились другие, и он напряжённо выпрямился. Сердце стучало в висках. Это была она. Та самая.

Она была невысокого роста, крашеная блондинка с волосами до плеч. Он смотрел, как она садится в машину. Он поехал за ней только тогда, когда машина почти скрылась за поворотом.

Он объехал здание с другой стороны, чтобы не привлекать к себе внимания. Он следовал за ней, и сердце билось всё быстрее. Повинуясь инстинкту, он опустил руку под сидение и дотронулся до мотка верёвки. Ему стало спокойнее.

Его успокаивала мысль о том, что за преследованием последует жертвоприношение.

А в том, что оно последует, он был уверен.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

Сидя рядом с водителем, Макензи разложила на коленях несколько папок. Портер вёл машину, отбивая пальцами по рулю ритм песни Rolling Stones. Сейчас в машине играла его любимая радиостанция, транслирующую классическую рок-музыку. Он всегда слушал её за рулём. Макензи злобно глянула на напарника. Ей сложно было сконцентрироваться, и это её раздражало. Она смотрела, как фары рассекают дорогу на скорости в восемьдесят миль в час. Она повернулась к Портеру.

«Можешь, пожалуйста, это выключить?» – выпалила она.

Обычно она была не против музыки, но сейчас хотела настроиться на рабочий лад, чтобы понять характер убийцы.

Вздыхнув и покачав головой, Портер выключил радио и неодобрительно посмотрел на Макензи.

«Что ты ищешь?» – спросил он.

«Я ничего не ищу, – ответила она. – Я пытаюсь собрать всю картинку воедино, чтобы понять тип личности убийцы. Если мы будем думать, как он, то у нас будет больше шансов его найти».

«Или, – перебил её Портер, – ты можешь дождаться нашего приезда в Омаху и поговорить с детьми и сестрой жертвы, как и приказал нам Нельсон».

Макензи даже не надо было смотреть на напарника, чтобы знать, что он едва сдерживается, чтобы не вставить какую-нибудь хитромудрую шуточку. Наверно, ей нужно было отдать ему должное: когда они были только вдвоём – в машине или на месте преступления – Портер сводил к минимуму колкости и оскорбительные шутки.

Макензи отвлеклась от Портера и посмотрела на папки, лежащие на коленях. Она пыталась сравнить данные по убийству 1987 года с делом Хейли Лизбрук. Чем больше она сравнивала эти два преступления, тем больше убеждалась, что совершил их один и тот же человек. Единственное, что её расстраивало, это отсутствие очевидного мотива.

Она просматривала то одну папку, то другую, листая страницы и возвращаясь к одному и тому же по несколько раз. Она бормотала что-то себе под нос, задавая вопросы и проговаривая вслух известные факты. Она так делала ещё со времён учёбы в школе, и эта странная привычка так никуда и не исчезла.

«В обоих случаях никаких улик, указывающих на сексуальное насилие, – тихо говорила она. – Никаких очевидных связей между жертвами, за исключением рода занятий. Отсутствие религиозных мотивов. Если бы преступником двигали религиозные мотивы, разве вместо столбов он не выбрал бы кресты? В обоих случаях были найдены номера, но также не прослеживается явной связи между ними и убийствами».

«Не пойми меня неправильно, – заметил Портер, – но я бы предпочёл сейчас слушать Роллингов».

Макензи перестала разговаривать сама с собой и увидела, как на экране телефона замигало сообщение. После того, как они с Портером ушли из участка, она отправила Нэнси электронное письмо, попросив поискать в базе совпадения

по словам столб, стриптизёрша, проститутка, официантка, кукуруза, плеть и номеру Ч511/И202, проверив все дела по убийствам за последние тридцать лет. Когда Макензи взглянула на телефон, то поняла, что Нэнси, как обычно, быстро выполнила её поручение.

В письме Нэнси говорилось: «Боюсь, совпадений немного. Прикрепляю краткие сведения по тем делам, что мне удалось найти. Удачи!»

В письме было пять вложений, и Макензи смогла быстро просмотреть все. Три из пяти дел не имели ничего общего с убийством Лизбрук или делом 1987 года. Но последние два дела показались ей довольно интересными.

Одно из них было об убийстве 1994 года, когда за заброшенным сараем обнаружили труп женщины. Тело нашли в сельской местности, примерно в восьмидесяти милях от Омахи. Жертва была привязана к деревянному столбу. Тело провисело на нём около шести дней прежде, чем его обнаружили. Тело окоченело, и дикие животные – предположительно, рыси – отъели женщине ноги. Жертва имела несколько приводов, включая два ареста за проституцию. Как и в предыдущих случаях, не имелось явных признаков сексуального насилия, и хотя на спине жертвы были обнаружены следы от ударов плетью, били её намного меньше, чем Хейли Лизбрук. В папке не было ни слова о номерах, высеченных на столбе.

Второе дело касалось девятнадцатилетней девушки, которую объявили пропавшей без вести после того, как она не приехала домой на рождественские каникулы. В 2009 году жертва училась на первом курсе Университета Небраски. Её тело было найдено на пустом поле три месяца спустя. Труп был частично закопан, и на спине были обнаружены следы от ударов плетью. В скором времени в прессе появились откровенные фотографии этой девушки, участвующей в страстной оргии в студенческом клубе. Снимки были сделаны за неделю до того, как она пропала.

Последний случай подходил с натяжкой, но Макензи решила, что оба этих дела могли быть связаны с убийством 1987 года и смертью Хейли Лизбрук.

«Что у тебя там?» – спросил Портер.

«Нэнси скинула мне материалы по другим делам, которые могут быть связаны с этим убийством».

«Что-нибудь нашла?»

Помедлив секунду, она рассказала ему об этих двух делах. Когда Макензи закончила, Портер кивнул и посмотрел в окно. Они как раз проехали знак, предупреждающий о том, что до Омахи осталось 20 миль.

«Мне кажется, иногда ты слишком стараешься, – сказал Портер. – Ты задницу рвёшь, и люди это видят. Но давай смотреть правде в глаза: как бы ты ни старалась, не каждое дело можно превратить в погоню за монстром».

«Ну, тогда сделай милость, – ответила Макензи, – и скажи, что подсказывает тебе сейчас интуиция? С кем мы имеем дело?»

«Обычный преступник, озлобленный на родную мать, – снисходительно заявил Портер. – Опросим людей и найдём его, а весь этот анализ – простая трата времени. Преступников находят не потому, что залазят им в головы, а потому что задают вопросы. Адресные опросы. Дверь за дверью. Свидетель за свидетелем».

Оба молчали, и Макензи думала о том, каким же плоским и чёрно-белым видит мир её напарник. В его сознании не было места деталям, ничему, что выходило за рамки сложившихся взглядов. Она заключила, что психопат, которого они ищут, был устроен намного сложнее, чем Портер.

«Что ты думаешь о нашем убийце?» – наконец спросил он.

В голосе его слышалась неприязнь, словно он и вовсе не собирался задавать этот вопрос, но ему надоело ехать молча.

«Я считаю, что он ненавидит женщин за то, что они собой представляют, – тихо заговорила Макензи, не переставая анализировать убийцу по ходу разговора. – Возможно, он пятидесятипятилетний девственник, который находит секс постыдным, хотя у него есть в нём потребность. Убийство женщин заставляет его думать, что он поборол свои природные инстинкты, которые он считает

примитивными и нечеловеческими. Искореня источник сексуального возбуждения, он считает, что держит всё под контролем. Следы ударов плетью говорят о том, что он как бы наказывает жертв, возможно, за их непристойное поведение. Кроме того, мы не находим следов сексуального насилия, и мне кажется, что в глазах убийцы их смерть – это акт очищения».

Портер покачал головой, как сделал бы расстроенный родитель.

«Об этом я и говорю, – сказал он. – Трата времени. Ты так увлеклась этим делом, что уже не знаешь, что думать. Нам твои догадки не помогут. Как говорится, за деревьями ты не видишь леса».

Вновь повисла неловкая тишина. Не желая более продолжать этот разговор, Портер включил радио.

Насладиться музыкой ему не удалось. Через несколько минут они въехали в Омаху, и он вновь выключил радио, на этот раз без подсказки Макензи. Он заговорил, и голос его звучал нервно, но можно было расслышать и кое-что ещё – он давал понять, что он здесь главный.

«Ты когда-нибудь опрашивала детей, потерявших родителя?» – спросил Портер.

«Однажды, – ответила она. – Это было дело об обстреле. Говорила с одиннадцатилетним мальчиком».

«Я тоже общался с несколькими. Невесёлое занятие».

«Это точно», – согласилась Макензи.

«Послушай, нам предстоит задать двум мальчикам вопросы об их умершей матери. Обязательно всплывёт вопрос о том, кем она работала. Нужно задать его как можно более деликатно».

Макензи была в ярости. Портер снова говорил с ней, как с маленьким ребёнком.

«Давай я начну, а ты будешь их утешать, если они расплачутся. Нельсон сказал, сестра жертвы тоже там будет, но думаю, на её помощь в этом плане не стоит

рассчитывать. Думаю, она не менее подавлена, чем дети».

Макензи была не в восторге от этой идеи. Но она понимала, что если дело касалось Портера и Нельсона, действовать нужно было осмотрительно. Если Портер хотел вести опрос двух скорбящих по матери ребят, пусть потешит своё эго.

«Как скажешь», – ответила она сквозь зубы.

В машине вновь стало тихо. Портер больше не включал радио, и единственный звук в салоне был шелестом листов в папках Макензи. Эти страницы и те документы, что скинула Нэнси, вели к чему-то большому, Макензи была в этом уверена.

Конечно, чтобы рассказать историю от начала до конца, нужно знать всех, кто в ней задействован, а пока главное действующее лицо по-прежнему скрывалось в тени.

Машина сбавила скорость. Макензи оторвалась от чтения и увидела, что они поворачивают на тихую улочку. Она почувствовала знакомую тревогу, желая оказаться сейчас где угодно, но лишь бы не здесь.

Пришло время поговорить с детьми жертвы.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Макензи немало удивилась, оказавшись в квартире Хейли Лизбрук; она представляла её совсем другой. Здесь было чисто и уютно; мебель была удачно расставлена по комнате и накрыта чехлами. Интерьер и убранство указывали на домовитость хозяйки: здесь были и чашки для кофе с милыми надписями, и прихватки над плитой, свисающие с красивых крючков. Было видно, что она хорошо следила за домом и семьёй, вплоть до выбора стрижек сыновей и цвета их пижам.

Макензи всегда мечтала о таком доме и такой семье.

Из документов дела было известно, что сыновьям жертвы было девять и пятнадцать лет соответственно. Старшего звали Кевин, младшего – Далтон. Когда она их увидела, то по красным опухшим глазам поняла, что Далтон сегодня много плакал.

Кевин же больше злился, чем горевал. Это стало особенно заметно, когда они принялись за дело, и Портер начал задавать вопросы тоном, который выражал что-то среднее между снисходительностью и заискиванием детсадовского учителя. Макензи внутренне трясло каждый раз, как Портер открывал рот.

«А теперь мне нужно узнать, были ли у вашей мамы друзья-мужчины», – сказал он.

Он стоял в центре гостиной, а мальчики сидели на диване. Сестра Хейли, Дженнифер, стояла в выходящей в гостиную кухне. Она курила у плиты с включённой вытяжкой.

«Вы имеете в виду, был ли у неё парень?» – спросил Далтон.

«Да, любой друг мужского пола, – подтвердил Портер. – Но я не имел в виду именно парня, а любого мужчину, который часто с ней общался. Сюда можно отнести и почтальона, и работника продуктового магазина».

Оба мальчика смотрели на Портера так, словно ожидали, что он вот-вот покажет им фокус или вдруг превратится в дым. Макензи смотрела на него точно так же. Она никогда не слышала, чтобы Портер говорил так тихо и мягко. Было забавно слушать, как его рот произносит слова таким успокаивающим тоном.

«Нет, не думаю», – сказал Далтон.

«Нет, – согласился Кевин. – И парня у неё тоже не было. По крайней мере, мне о нём неизвестно».

Макензи и Портер посмотрели на стоящую у плиты Дженнифер. Она лишь пожала плечами. Макензи была уверена, что та всё ещё находилась в состоянии шока, поэтому было бы неплохо разузнать, есть ли у ребят другие родственники, которые могут сейчас взять на себя заботу о них, потому что на данном этапе

Дженнифер это было не по плечу.

«А были ли те, с кем вы и ваша мама не ладили? – спросил Портер. – Вы видели или слышали, чтобы она с кем-нибудь ссорилась?»

Далтон молча покачал головой. Макензи видела, что он готов был снова разрыдаться. Что же касается Кевина, то он закатил глаза и посмотрел на Портера.

«Нет, не было, – ответил он. – Мы не дураки. Мы понимаем, к чему вы клоните. Вы хотите знать, не подозреваем ли мы кого-нибудь в убийстве мамы, ведь так?»

Портер выглядел ошеломлённым. Он нервно глянул на Макензи, но потом быстро взял себя в руки.

«На самом деле, да, – сказал он. – К этому я и веду, но очевидно, что вы ничего не знаете».

«Уверены?» – спросил Кевин.

В этот напряжённый момент Макензи была почти уверена, что сейчас Портер сорвётся на парнишку. Кевин смотрел на офицера с болью во взгляде, словно и сам желал этого.

«Ну, – ответил Портер, – я думаю, я и так вас немало побеспокоил. Спасибо за помощь».

«Подождите», – сказала Макензи. Слово сорвалось с губ ещё до того, как она успела подумать, что надо бы промолчать.

Портер посмотрел на неё испепеляющим взглядом. Было очевидно, что он считал опрос двух убитых горем детей тратой времени, и особенно это касалось пятнадцатилетнего парня, которому не нравилось, что офицер воображает себя здесь главным. Макензи перевела взгляд от Портера к Далтону, присев на корточки так, чтобы можно было смотреть ему в глаза.

«Послушай, можно тебя попросить побыть пару минут в кухне с тётей?»

«Хорошо», – прерывисто и тихо ответил Далтон.

«Детектив Портер, проводите мальчика».

Портер посмотрел на неё с ненавистью. Макензи стойко выдержала этот взгляд. По её каменному лицу было видно, что она будет настаивать на своём, пока не добьётся желаемого. Если Портер хотел с ней спорить, то они могут выйти из комнаты; но было очевидно, что он не желал ставить себя в неловкое положение, пусть даже и перед парой малолетних ребят и женщиной в полуобморочном состоянии.

«Конечно», – наконец ответил он сквозь зубы.

Макензи подождала, пока Портер и Далтон скроются в кухне.

Она выпрямилась, помня, что прямой зрительный контакт теряет своё действие, когда детям исполняется двенадцать.

Она посмотрела на Кевина и увидела в его взгляде ту же дерзость, что видела, когда он говорил с Портером. Она не имела ничего против подростков, но знала, что с ними бывает очень сложно работать, особенно в трагических обстоятельствах. Однако она наблюдала за тем, как Кевин отвечал Портеру, и надеялась, что сможет пробить его броню.

«Давай начистоту, Кевин, – начала она. – Ты считаешь, что мы пришли не вовремя? Ты думаешь, что неправильно нам закидывать вас вопросами, когда вы только что узнали о том, что случилось с мамой?»

«Типа того», – ответил он.

«Ты совсем не хочешь сейчас говорить?»

«Нет, я не против, – сказал Кевин. – Просто ваш напарник – придурок».

Это был шанс. Она могла придерживаться обычной профессионально-формальной манеры общения или попытаться наладить контакт с обзлѐнным

подростком. Она знала, что больше всего остального подростки ценят честность. Охваченные эмоциями, они видят человека насквозь.

«Ты прав, – сказала она. – Он придурок».

Кевин удивлённо поднял на неё глаза. Она ошарашила его своим ответом.

«Но это не меняет того факта, что я должна с ним работать, – добавила она, окрасив голос нотками симпатии и понимания. – И это не меняет того факта, что мы пришли, чтобы вам помочь. Мы хотим найти того, кто сделал это с вашей мамой. А ты хочешь?»

Мальчик долго сидел молча, а потом наконец кивнул.

«Может, поговоришь со мной? – спросила Макензи. – Всего несколько вопросов, и мы уйдём».

«А кто придёт?» – настороженно спросил Кевин.

«Честно?»

Кевин кивнул. В глазах его стояли слёзы. Макензи казалось, что он всё это время держался, чтобы быть сильным ради брата и тёти.

«После того, как мы уйдём, мы соберём всю необходимую информацию, и тогда к вам придут из соцслужбы, чтобы убедиться, что тётя Дженнифер сможет позаботиться о вас, пока не пройдут похороны вашей мамы».

«Она классная, – сказал Кевин, глядя на Дженнифер. – Они были с мамой очень близки. Прямо лучшие подруги».

«С сёстрами часто так, – ответила Макензи, не имея ни малейшего понятия, было это так на самом деле или нет, – но пока давай сконцентрируемся на моих вопросах. Сможешь?»

«Да».

«Хорошо. Мне жутко неприятно об этом спрашивать, но это очень важно. Ты знаешь, чем мама зарабатывала на жизнь?»

Кевин кивнул, уставившись в пол.

«Да, – сказал он. – Не знаю откуда, но об этом прознали и мальчишки в школе. Наверно чей-нибудь похотливый папаша пошёл в клуб, увидел её там и узнал. Неприятно всё это. Меня постоянно из-за этого дразнят».

Макензи не могла и представить, через что пришлось пройти Кевину, но это заставило её ещё больше уважать Хейли Лизбрук. Может, она и раздевалась за деньги по ночам, но днём уделяла всё своё время детям.

«Хорошо, – сказала Макензи. – Раз уж ты знаешь, чем она занималась, то понимаешь, какой тип мужчин обычно посещает подобные заведения?»

Кевин кивнул, и Макензи увидела, как по его левой щеке побежала первая слеза. Она хотела взять его за руку в знак сочувствия, но боялась отпугнуть.

«Мне нужно, чтобы ты вспомнил, приходила ли мама домой расстроенной или злой. Может, ты также вспомнишь мужчин, которых... ну, которых она приводила домой».

«Она никогда не водила мужчин домой, – ответил Кевин. – И я не помню, чтобы она когда-либо была злой или расстроенной. Единственный раз я видел её злой, когда в прошлом году она говорила с адвокатами».

«Адвокатами? – переспросила Макензи. – Ты знаешь, зачем она говорила с ними?»

«Вроде знаю. Что-то случилось на работе, и ей пришлось общаться с адвокатами. Я слышал обрывки разговора, когда они ей звонили. Я почти уверен, что они говорили о запретительном приказе».

«Думаешь, это было как-то связано с клубом и работой?»

«Не могу сказать наверняка, – ответил Кевин. Он немного оживился, когда оказалось, что его информация может быть полезной, – но думаю, что да».

«Ты нам очень помог, Кевин, – сказала Макензи. – Может, вспомнишь ещё что-нибудь?»

Он медленно покачал головой и посмотрел детективу в глаза. Он пытался быть сильным, но в его взгляде было столько печали, что Макензи просто не понимала, как он ещё держится.

«Знаете, мама стеснялась своей работы, – заметил Кевин. – Иногда днём она работала дома. Она писала техническую документацию для сайтов, но не думаю, что это приносило ей много денег. Она искала подработки, потому что наш отец... ну, он ушёл от нас давно и больше не помогает деньгами, поэтому мама... она пошла на эту другую работу. Она делала это ради меня, и Далтона, и...»

«Я знаю», – сказала Макензи и на этот раз не сдержала порыв, дотронувшись рукой до его плеча. Кевин выглядел благодарным. Она также знала, что он хотел бы разрыдаться, но не мог позволить себе подобную слабость в присутствии незнакомцев.

«Детектив Портер, – сказала Макензи, обращаясь к вышедшему из кухни напарнику, который продолжал злобно мерить её взглядом. – У вас есть ещё вопросы? – говоря, она слегка покачала головой, надеясь, что Портер правильно поймёт этот знак».

«Нет, я думаю, мы закончили», – ответил он.

«Хорошо, – сказала Макензи. – Ребята, ещё раз большое спасибо за помощь».

«Да, спасибо, – добавил Портер, выходя в гостиную. – Дженнифер, если вспомните что-нибудь, что сможет нам помочь, не стесняйтесь и звоните мне. Нам важны даже мельчайшие детали».

Дженнифер кивнула и хрипло сказала: «Спасибо».

Макензи и Портер вышли из квартиры и спустились по деревянной лестнице к парковке дома. Когда они были уже на приличном расстоянии от квартиры, Макензи вышла вперёд, преграждая напарнику путь. Он кипел от злости, но она не обращала на это внимания.

«Мне удалось кое-что узнать, – начала она. – Кевин сказал, что в прошлом году его мать добивалась запретительного судебного приказа в отношении кого-то, связанного с работой. Он сказал, что только тогда видел её злой и расстроенной».

«Хорошо, – сказал Портер. – Не зря ты подорвала мой авторитет в его глазах».

«Я ничего такого не делала, – парировала Макензи. – Я увидела, что со старшим сыном у тебя разговор не клеится, и решила вмешаться, чтобы помочь».

«Чушь собачья, – сказал Портер. – Перед детишками и их тётёй ты выставила меня неполноценным слабаком».

«Это неправда, – сказала Макензи. – А если бы даже это была правда, какая разница? Ты говорил с этими ребятами, как с идиотами, которые с трудом говорят по-английски».

«Ты действовала неуважительно, – сказал Портер. – Позволь напомнить, что я занимаюсь этой работой дольше, чем ты живёшь на земле. Если мне понадобится твоя помощь, я, чёрт побери, дам тебе знать».

«Ты всё завалил, Портер, – ответила Макензи. – Разговор был закончен, или ты забыл? Нечего мне было подрывать. Ты был готов уйти. Ты сам взялся вести опрос и сам всё испортил».

Сейчас они дошли до машины. Открывая её, Портер злобно сверкнул глазами, глядя на Макензи поверх крыши.

«Когда мы вернёмся в участок, я пойду к Нельсону и напишу заявление, чтобы мне дали другого напарника. Надоело мне твоё неуважение».

«Неуважение? – ответила Макензи, качая головой. – Да ты не знаешь, о чём говоришь. Почему бы тебе сначала не подумать о том, как ты сам относишься ко мне?»

Портер прерывисто выдохнул и сел в машину, больше не сказав ни слова. Решив не поддаваться давлению его настроения, Макензи тоже села в машину. Взглянув на окна квартиры, она подумала о том, позволил ли Кевин себе поплакать. В глобальном масштабе взаимная неприязнь между ней и Портером казалась сущим пустяком.

«Хочешь приобщить это к делу?» – спросил он, явно расстроенный тем, что его обскакали.

«Да», – ответила Макензи, доставая телефон. Набирая номер Нельсона, она чувствовала себя довольной. Год назад был выписан запретительный приказ, а сейчас Хейли Лизбрук была мертва.

«Мы нашли ублюдка», – подумала она.

И всё же ей казалось, что до завершения дела было ещё далеко.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Уставшая, Макензи пришла домой в 10:45 вечера. День выдался длинным и выматывающим, и она знала, что ещё долго не сможет заснуть. Она продолжала размышлять о зацепке, о которой поведал ей Кевин Лизбрук. Она передала информацию Нельсону, и он пообещал, что кто-нибудь из служащих обязательно позвонит в стриптиз клуб и юридическую фирму, в которую обращалась Хейли Лизбрук, чтобы узнать, против кого подавался запретительный судебный приказ.

Мозг разрывали десятки мыслей. Макензи включила музыку, достала из холодильника пиво и набрала ванну. Она не была большой поклонницей горячих ванн, но сегодня каждая мышца в теле молила об отдыхе. Пока ванна наполнялась водой, она прошлась по дому, собирая разбросанные вещи, потому что Зак опять ждал до последнего, чтобы начать собираться на работу.

Они с Заком съехались чуть больше года назад, прибегая к всевозможным уловкам, чтобы на как можно дольше оттянуть вступление в брак. Макензи чувствовала, что была готова к семейной жизни, а вот Зака пугала сама мысль о свадьбе.

Они были вместе уже три года, первые два из которых были просто великолепными, а последний стал смесью монотонности и страхов Зака перед одиночеством и браком. Если бы он мог застрять где-то посередине между одиночеством и семейной жизнью, имея Макензи рядом, он был бы совершенно счастлив.

Она взяла две грязные тарелки с журнального столика, наступила на диск из Хбох и вдруг подумала, что ей надоела такая жизнь. Более того, она больше не была уверена, что хочет замуж за Зака, пусть бы даже он сейчас предложил ей пожениться. Она слишком хорошо его знала; она знала, какой будет их семейная жизнь; и, честно говоря, это её совсем не радовало.

Она застряла в этих отношениях, и Зак её совсем не ценил. Подобным образом она застряла на работе, где её совсем не ценили коллеги. Она давно застряла в воронке неправильных жизненных решений. Она знала, что нужно было что-то менять, но боялась перемен, а, учитывая, как сильно она уставала, у неё просто не было на них сил.

Макензи прошла в ванную и выключила воду. От воды волнами поднимался пар, словно приглашая её окунуться. Она разделась и посмотрела на своё отражение в зеркале, в очередной раз остро осознав, что потратила восемь лет жизни на человека, который вовсе не собирался разделить с ней жизнь. Она находила себя относительно привлекательной. У неё было миловидное лицо (оно становилось ещё красивее, когда она собирала волосы в хвост) и неплохая фигура, пусть и немного худощавая и мускулистая. У неё был плоский подкаченный живот, и даже Зак иногда шутил, что побаивался её мощного брюшного пресса.

Макензи залезла в ванну и поставила пиво на небольшой столик, где обычно лежали полотенца. Она выдохнула, позволяя воде расслабить мышцы. Она закрыла глаза и расслабилась, насколько это было возможно, но грустный взгляд Кевина Лизбрука не выходил у неё из головы. В нём было столько печали, что он всколыхнул в памяти Макензи дни, когда она испытывала ту же боль, но потом научилась надёжно прятать её в глубине души.

Она закрыла глаза и устроилась удобнее. Образ грустного мальчика отказывался покидать её сознание. Ей казалось, что она физически ощущает присутствие рядом Хейли Лизбрук, умоляющей её найти убийцу.

*

Зак вернулся домой через час, закончив двенадцатичасовую смену на местной текстильной фабрике. Каждый раз, как до Макензи доносился исходящий от него запах грязи, пота и масла, он напоминал ей, каким безамбициозным был Зак. Макензи не была против самой его работы; это была достойная работа для мужчин, избравших тяжёлый труд и верность делу. Но при этом у Зака была степень бакалавра, и когда-то он собирался поступить в магистратуру и стать учителем. Таков был его план ещё пять лет назад, но потом он получил должность начальника смены на фабрике, и этим всё закончилось.

К тому времени, когда он пришёл, Макензи пила уже вторую бутылку пива, сидя в постели и читая книгу. Она решила, что ей нужно лечь спать до трёх ночи, чтобы проспять пять часов прежде, чем отправиться на работу к девяти. Она никогда не была большой соней и даже обнаружила, что если спала ночью больше шести часов, то весь следующий день ходила, как сонная муха.

Зак вошёл в спальню в грязной рабочей одежде. Скинув обувь у кровати, он внимательно посмотрел на Макензи. На ней была надета майка и велосипедные шорты с высокой талией.

«Привет, малышка, – произнёс Зак, оглядывая её с ног до головы. – Приятно прийти домой, а тут ждёт тебя такая красотка».

«Как прошёл день?» – спросила она, не отрываясь от книги.

«Нормально, – сказал он. – А потом я вернулся домой, увидел тебя такой, и всё стало ещё лучше».

Сказав это, он залез на постель и пополз к ней. Он провёл рукой по её лицу и наклонился, чтобы поцеловать.

Макензи выпустила из рук книгу и отпрянула назад. «Зак, ты в своём уме?» – спросила она.

«Что такое?» – недоумённо спросил он.

«Ты же грязный. Мало того, что я только что из ванны, так ты ещё перепачкаешь простыни в грязи, масле и бог знает в чём ещё».

«О боже, – раздражённо ответил Зак. Он сполз с кровати, намеренно пачкая как можно больше белья. – И почему ты такая зануда?»

«Я не зануда, – сказала Макензи, – просто не хочу жить в свинарнике. Кстати, спасибо, что убрал за собой посуду».

«Ох, как же хорошо быть дома», – язвительно проговорил Зак, отправившись в ванную комнату и захлопнув за собой дверь.

Макензи вздохнула и допила пиво. Оглядев комнату, она увидела стоящие у кровати грязные рабочие ботинки Зака – там они простоят до завтрашнего утра, пока он снова их не обует. Она также заранее знала, что, проснувшись с утра и отправившись в ванную, она найдёт его грязную одежду, сваленную кучей на полу.

«Ну и чёрт с ним», – подумала она, возвращаясь к книге. Она прочла всего несколько страниц, вслушиваясь в шум воды, пока Зак принимал душ. Потом она отложила книгу и прошла в гостиную. Она взяла рабочий портфель и вернулась с ним в спальню, вынув папку с последними материалами по убийству Лизбрук, которую получила в участке перед выходом. Как бы она ни устала и ни хотела спать, работа не давала ей покоя.

Она читала материалы, проверяя, всё ли в них изложено верно и точно. Убедившись, что всё так, она снова увидела перед глазами полный слёз взгляд Кевина и решила перепроверить.

Макензи была настолько поглощена чтением отчётов, что не заметила, как в комнату вошёл Зак. Сейчас от него приятно пахло, и выглядел он тоже намного лучше, имея из одежды лишь одно полотенце, обмотанное вокруг талии.

«Прости за простыни, – рассеянно заметил он, скинув полотенце и надев трусы-боксеры. – Я.. я не знаю... я уже и не помню, когда ты в последний раз обращала на меня внимание».

«Ты про секс?» – спросила она. Как ни странно, но сейчас она была вовсе не против секса. Только он мог помочь ей расслабиться и наконец заснуть.

«Не только про секс, – ответил Зак. – Я вообще про внимание. Я прихожу домой, а ты либо спишь, либо листаешь папки с делами».

«Ну, перед этим я собираю твой хлам по всему дому, – сказала она. – Ты живёшь так, словно ждёшь, что придёт мамочка и уберёт за тобой. Знаешь, ты прав, иногда я работаю дома для того, чтобы забыть о том, какой ты бываешь невыносимый».

«Опять всё сводится к одному», – сказал Зак.

«К чему?»

«К тому, что ты прикрываешься работой, чтобы не проводить время со мной».

«Ничего я такого не делаю, Зак. Правда, сейчас меня больше заботит вопрос о том, кто жестоко убил мать двоих детей, чем ты и твои потребности во внимании».

«И именно поэтому, – сказал Зак, – я не тороплюсь на тебе жениться. Ты уже замужем за работой».

Макензи могла бросить ему в ответ тысячу различных колкостей, но понимала, что в этом не было смысла. Она понимала, что отчасти он был прав. Большинство вечеров она проводила не с Заком, а за просмотром принесённых с работы папок, потому что они казались ей более интересными. Бесспорно, она по-прежнему его любила, но знала его слишком хорошо – в Заке больше не было загадки.

«Спокойной ночи», – с горечью в голосе произнёс он и забрался под одеяло.

Макензи уставилась на его голую спину, думая, что, возможно, уделять ему внимание было её обязанностью. Делай она это, стала бы Макензи хорошей подругой? Сделало бы это её более привлекательной для человека, страшась брака?

Полностью забыв о том, что ещё пару минут назад она рассчитывала на секс, Макензи просто пожала плечами и вернулась к папкам.

Если её личная жизнь должна отойти на второй план, пусть так и будет. Для неё настоящая жизнь была там, внутри папки.

*

Макензи вошла в родительскую спальню, но не успела она переступить порог, как учуяла какой-то странный запах, от которого свело желудок. Это был резкий запах, и семилетняя Макензи подумала, что так же пахло внутри её свиньи-копилки, так пахли медные пятаки.

Она вошла в комнату, уставившись на ножку кровати, кровати, в которой уже больше года не спала мама, и которая казалась слишком широкой для отца.

Она увидела его. Ноги свисали с кровати, а руки были раскинуты в стороны, словно он пытался взлететь. Повсюду была кровь: на стене, на кровати, даже на потолке. Голова была повернута вправо, будто он не желал смотреть на дочь.

Она сразу поняла, что он был мёртв.

Она подошла ближе, хлюпая босыми ногами в крови. Она не хотела подходить, но ей нужно было убедиться.

«Папа», – прошептала она сквозь слёзы.

Она опасливо протянула руку. Её тянуло к нему, как магнитом.

Вдруг он повернул голову и посмотрел на неё мёртвыми глазами.

Макензи вскрикнула.

Она открыла глаза и в замешательстве оглядела комнату. Открытая папка с документами по делу лежала у неё на коленях. Зак спал рядом, всё также повернувшись к ней спиной. Она глубоко вздохнула, вытерев пот со лба. Это был всего лишь сон.

А потом она услышала скрип.

Макензи замерла на месте. Глядя на дверь спальни, она медленно встала с кровати. Она услышала, как скрипит расхлябанная половица в гостиной. Этот звук появлялся только тогда, когда кто-то ходил по комнате. Да, она спала и видела кошмар, когда услышала этот скрип, но она его действительно слышала.

Ведь так?

Она встала с кровати и взяла с комода служебный пистолет, который лежал рядом со значком и кошельком. Она тихо выглянула из комнаты и вышла в коридор. Свет, бросаемый уличными фонарями, просачивался сквозь жалюзи в гостиной. В комнате было пусто.

Она вошла в гостиную, держа пистолет наготове. Внутренний голос уверял, что здесь никого не было, но её продолжало трясти. Она знала, что слышала скрип половиц. Она подошла к журнальному столику и услышала, как под ногами скрипнул пол.

Перед глазами вдруг встал образ Хейли Лизбрук. Она вспомнила следы от ударов плетью на спине и отпечатки в грязи. Она вздрогнула. Макензи уставилась на сжатый в руках пистолет, пытаясь вспомнить последний раз, когда дело об убийстве так на неё повлияло. Что она себе вообразила? Что убийца забрался в её гостиную и следил за ней?

Разозлившись на себя, Макензи вернулась в спальню. Быстро положив пистолет на комод, она направилась к кровати.

До сих пор не совсем оправившись от страха и переживаний сна, Макензи легла в постель. Она закрыла глаза и попыталась заснуть.

Она знала, что сделать это будет непросто. Её жизнь усложняли не только живые, но и мёртвые.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Макензи уже и забыла, когда в последний раз в участке было так оживлённо. Первой, кого она заметила, войдя в здание, была Нэнси. Она бежала по коридору, торопясь быстрее попасть в один из кабинетов. Макензи никогда не видела, чтобы Нэнси передвигалась так быстро. Помимо этого, по дороге в конференц-зал она также заметила нервозность во взгляде каждого проходящего мимо офицера.

Утро обещало быть богатым на события. В воздухе висело напряжение, напоминая ей тяжёлую духоту перед летней бурей.

Она и сама ощутила это напряжение ещё до того, как вышла сегодня из дома. Первый раз ей позвонили в 7:30, сообщив, что через несколько часов она едет брать подозреваемого.

Очевидно, что пока она спала, информация, которую сообщил ей Кевин, превратилась в многообещающую зацепку. Был выдан ордер, и винтики закрутились. Одно было ясно с самого начала: Нельсон хотел, чтобы они с Портером доставили подозреваемого в участок.

Десять минут, проведённые Макензи на работе, были наполнены всевозможными событиями. Пока она наливала себе кофе, Нельсон раздавал приказы направо и налево, а мрачный Портер сидел за столом в конференц-зале, напоминая обиженного ребёнка, изо всех сил привлекающего к себе внимание взрослых. Макензи знала, что его бесил тот факт, что зацепку они получили от мальчика, с которым он разговаривал, и от которого сам ничего не смог добиться.

Макензи и Портер отправились в главной машине, а две другие сопровождали их на всякий случай. Это был четвёртый арест в карьере Макензи, и адреналин кипел в жилах. Несмотря на бурлящую внутри энергию, Макензи оставалась внешне спокойной и собранной. Она гордо и уверенно вышла из конференц-зала,

чувствуя, что теперь это было её дело, как бы Портер ни старался его отобрать.

По дороге ей встретился Нельсон. Он подошёл и мягко взял её под локоть.

«Уайт, можно тебя на минуту?»

Он увлёк её в сторону. Не успела она ничего ответить, как они оказались в копировальной комнате. Нельсон подозрительно огляделся по сторонам, чтобы убедиться, что их разговор никто не слышит. После этого он так посмотрел на Макензи, словно она совершила что-то ужасное.

«Послушай, – начал Нельсон. – Вчера вечером ко мне подошёл Портер и попросил меня снять его с дела. Я отказался. Ещё я сказал ему, что глупо бросать всё сейчас. Ты не знаешь, с чего он запросил о переводе?»

«Он думает, что вчера я его подсидела, – ответила Макензи. – Но было же очевидно, что он не смог наладить контакт с ребятами и даже не пытался вывести их на разговор».

«Можешь мне не объяснять, – сказал Нельсон. – Я считаю, ты отлично справились с задачей, разговорив старшего сына. Когда прибыли соцработники, он сказал, что ты ему очень понравилась. Я просто хотел сказать, что сегодня Портер зол на весь мир, и поэтому дай мне знать, если он начнёт выпендриваться. Хотя я не думаю, что он начнёт. Пусть он и не самый твой большой поклонник, но он мне говорил, что чертовски тебя уважает. Давай, это останется между нами, хорошо?»

«Да, сэр», – ответила Макензи, удивлённая неожиданной похвалой и поддержкой.

«Ну, тогда на этом всё, – сказал Нельсон, похлопав её по плечу. – Отправляйтесь за подозреваемым».

Макензи направилась на парковку. Портер уже ждал её в машине. Пока она торопливо шла к нему, он внимательно смотрел на неё взглядом, который буквально выражал следующее: «Где тебя черти носили?» Как только она оказалась на пассажирском сидении рядом с ним, Портер резко вырулил с

парковки, не успела Макензи закрыть дверь.

«Как я понимаю, ты уже узнала всё про нашего парня?» – спросил он, выехав на дорогу. За ними следовали две машины поддержки, в которых ехали четыре офицера полиции и шеф Нельсон.

«Узнала, – ответила Макензи. – Клайв Трейлор. Сорок один год. Состоит на учёте за изнасилование. В 2006 году отсидел полгода в тюрьме за нападение на женщину. В настоящее время работает в аптеке, а также столярничает у себя в сарае».

«Ты, видимо, не читала последнее письмо от Нэнси», – сказал Портер.

«Нет, – сказала она. – И что там?»

«Недавно ублюдок выпилил несколько деревянных столбов. По сведениям они примерно того же размера, что и тот, что мы нашли на кукурузном поле».

Макензи перелистала электронные письма в телефоне и увидела последнее сообщение от Нэнси, отправленное меньше десяти минут назад.

«Тогда, скорее всего, он и есть наш убийца», – сказала она.

«Да, чёрт возьми», – ответил Портер. Он говорил, как робот, словно его запрограммировали на произнесение определённых ответов. Он говорил, ни разу даже не обернувшись в сторону Макензи. Было видно, что он зол, но Макензи не было до этого дела. Она могла мириться с его злостью и упёртостью, пока они не мешали ему выполнять работу.

«Не буду тянуть кота за хвост и скажу прямо, – начал Портер. – Меня очень разозлило, как ты повела себя в беседе со свидетелем. Но будь я проклят, если не признаю, что ты просто отлично поработала с тем парнишкой. Ты умнее, чем я думал, и теперь я это признаю. Но неуважение...»

Тут он замялся, не зная, как закончить фразу. Макензи ничего не ответила. Она продолжала смотреть вперёд, пытаясь принять тот факт, что за последние пятнадцать минут она получила что-то очень похожее на похвалу от двух людей,

от которых меньше всего её ожидала.

Макензи вдруг решила, что день начинался как нельзя лучше. Оставалось надеяться, что к его концу они задержат человека, ответственного за смерть Хейли Лизбрук и других людей, погибших за последние двадцать лет. Если у них всё получится, то она готова мириться с мерзким настроением напарника.

*

Макензи выглянула в окно, уныло глядя на то, как изменился пейзаж, стоило Портеру въехать в глухой пригород Омахи. Красивые домики сменились многоэтажками с дешёвым жильём, которые в скором времени уступили место ещё более неприветливым строениям.

Вскоре они добрались до улицы, где жил Клайв Трейлор. Здесь стояли бедные домишки с неухоженными лужайками и покосившимися почтовыми ящиками. Ряды домов уходили куда-то вдаль, и каждый следующий дом казался более убогим, чем предыдущий. Макензи не понимала, что угнетало её больше: неприглядный вид домов или удушающая бесцветность самого района.

Около дома Клайва было тихо. Когда машина подъехала ближе, Макензи испытала уже знакомый выброс адреналина. Она невольно выпрямилась, готовясь к встрече с убийцей.

Согласно данным группы наружного наблюдения, следящей за домом с трёх часов ночи, Трейлор никуда не выходил. На работе ему нужно было появиться к часу дня.

Портер сбавил скорость, проезжая по улице, и остановился напротив дома Трейлора. Впервые за всё утро он посмотрел на Макензи. Он заметно нервничал. Макензи подумала, что, наверно, выглядит так же. Несмотря на все противоречия, входя в дом потенциального убийцы рядом с Портером, она чувствовала себя в безопасности. Пусть он и был твердолобым сексистом, но имел большой оперативный опыт и в большинстве случаев отлично знал, что делает.

«Готова?» – спросил Портер.

Макензи кивнула и нажала тангенту автомобильной радиостанции.

«Это Уайт, – сказала она. – Мы готовы. Ждём приказа».

«Идите», – просто ответил Нельсон.

Макензи и Портер медленно вышли из машины, не желая вызывать подозрений у Трейлора на случай, если он посмотрит в окно и увидит двух незнакомцев на своей лужайке. Портер первым поднялся по расшатанным ступеням крыльца. Крыльцо было испачкано каплями белой краски и засыпано бесчисленными тельцами мёртвых насекомых. Макензи была напряжена, готовясь к встрече. Что она сделает, когда окажется лицом к лицу с убийцей тех женщин?

Портер открыл хлипкую на вид сетчатую дверь и постучал.

Макензи стояла рядом, ожидая, когда появится хозяин. Сердце бешено стучало в груди. Ладони стали мокрыми от пота.

Прошло несколько секунд прежде, чем она услышала звук приближающихся шагов. За этим последовал щелчок открывающегося замка, и дверь слегка приоткрылась. Появилось лицо Клайва Трейлора. Поначалу он выглядел удивлённым, а потом – настороженным.

«Чем я могу вам помочь?» – спросил Трейлор.

«Мистер Трейлор, – начал Портер, – я детектив Портер, это детектив Уайт. Мы хотели бы поговорить с вами, если вы не против».

«О чём?» – вдруг осторожно спросил Трейлор.

«О преступлении, совершённом два дня назад, – сказал Портер. – У нас есть пара вопросов, и если вы будете отвечать честно, мы не задержим вас более чем на пять или десять минут».

Трейлор на минуту задумался. Макензи могла поклясться, что почти наверняка знала, какие мысли проносятся сейчас у него в голове. Он состоял на учёте за

изнасилование, и любое нежелание сотрудничать с полицией могло вызвать как минимум подозрение, как максимум – расследование его текущей деятельности.

А этого человек вроде Клайва Трейлора хотел меньше всего на свете.

«Конечно, проходите», – наконец ответил он, находясь не в восторге от сложившейся ситуации. Он открыл дверь шире и пригласил их в дом, который походил на комнату в студенческом общежитии.

Повсюду стояли кипы книг, валялись пустые банки из-под пива и одежда. Внутри пахло так, как если бы что-то подгорело на плите.

Они вошли в небольшую гостиную, по виду которой Макензи сразу попыталась определить, похожа ли она была на гостиную убийцы. На диване кучей была свалена одежда, а на журнальном столике стояли грязные тарелки и ноутбук.

Глядя на весь этот беспорядок, Макензи подумала, что, возможно, Зак был не таким уж грязнулей, как ей казалось. Трейлор не предложил им присесть, что было хорошо, потому что Макензи всё равно не смогла бы перебороть себя и сесть на стул в этом доме.

«Спасибо, что уделили нам время, – сказал Портер. – Как я сказал, два дня назад было совершенно преступление, убийство. Мы здесь потому, что в прошлом у вас был конфликт с жертвой».

«Кого убили?» – спросил Трейлор.

Макензи наблюдала за его реакцией, уделяя особое внимание мимике лица и позе и надеясь найти в них какие-нибудь подсказки. Пока ей удалось заметить, что ему было очень некомфортно от того, что в дом пришла полиция.

«Женщину звали Хейли Лизбрук».

Трейлор на секунду задумался, а потом покачал головой.

«Я не знаю никого с таким именем».

«Вы уверены? – спросил Портер. – У нас есть сведения о том, что в прошлом году она получила против вас запретительный приказ».

Эти слова освежили Трейлору память, и он устало закатил глаза:

«А, она. Я и не знал, как её зовут».

«Но вы знали, где она живёт?» – спросила Макензи.

«Знал, – ответил Трейлор. – Да, я несколько раз следил за ней от дома до «Ранвей». Потом ко мне приходили полицейские и провели беседу. Я никогда не нарушал запретительный приказ. Клянусь».

«То есть вы не отрицаете, что когда-то преследовали её?» – спросил Портер.

Макензи заметила, как Трейлор покраснел от стыда. Она была почти уверена, что он не был их убийцей.

«Нет. Я признаю, что так и было. Но как только выписали приказ, я к ней не приближался. Я даже перестал ходить в тот стриптиз клуб».

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://telnovel.com/pirs_bleyk/prezhde-chem-on-ub-et

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)